Функционирование трансформированных фразеологизмов и прецедентных феноменов в русском и чешском медиадискурсах

Татьяна Занько

MASARYK UNIVERSITY PRESS

#**538**

OPERA FACULTATIS PHILOSOPHICAE
UNIVERSITATIS MASARYKIANAE

SPISY FILOZOFICKÉ FAKULTY
MASARYKOVY UNIVERZITY

MUNI
PRESS

А он, мятежный...

Разговор о Лермонтове и русской поэзии в канун юбилея

• ИМЯ СОБСТВЕННОЕ •

15 октября читающее человечество отметит 210 лет со дня рождения Михаила Лермонтова. Он прожил неполных 27 лет, но оставил после себя три десятка поэм, около 400 стихотворений, роман «Герой нашего времени», две незавершенные повести и ряд драматургических произведений. Наследие гения до сих пор вызывает споры. О загадках лермонтовского творчества в беседе с нашим обозревателем размышляет поэт и публицист, лауреат премии Александра Солженицына и Патриаршей премии Юрий КУБЛАНОВСКИЙ.

ЛЕОНИД ПАВЛЮЧИК
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «ТРУДА»

– Юрий Михайлович, в июне мы с вами подробно говорили о Пушкине в канун 225-летия со дня его рождения. Лермонтов традиционно значится вторым номером в поэтической иерархии, хотя многие читатели любят его больше Пушкина. Не кажется ли вам, что он незаслуженно находится в тени «солнца русской поэзии»? По словам Блока, Лермонтову не посчастливилось ни в количестве монографий, ни в истинной любви потомства.

– На каких весах измерить истинную любовь потомства? Не количеством монографий может измеряться эта любовь. Вот недавно российский президент сказал, что именно Лермонтов – тот поэт, которого он читает чаще других. Трудно представить, чтобы кто-то из западных лидеров вот так же читал стихи. Например Байден с томиком Роберта Фроста...

Не забудем, что Пушкин прожил на 10 лет дольше и уже поэтому сделал больше. Когда читаешь юношеские стихи Лермонтова, то дух захватывает: накануне какого невероятного расцвета стояло его творчество! А так он ушел, можно сказать, недооформившимся мировоззренчески. Но и то, что им сделано, поражает глубиной, гармонией и народностью. «Песня про купца Калашникова», «Бородино», «Ветка Палестины», другие религиозные стихи – все это несравненно. Так же как у Пушкина, простота и духовный аристократизм обретали у Лермонтова нерасторжимую связь. [illegible] только это не сочетание [illegible]

К.А. Горбунов. Последний прижизненный портрет Лермонтова. 1841 год.

Запись о рождении. 1814 год.

[illegible] от прочтения и уже потому [illegible] объективно о характере. Гоголь всегда отличался [illegible] повышенной впечатлительностью и в [illegible], импульсивностью и просто по жизни. [illegible] суждениях, и просто «Герой нашего времени» имеет, так сказать, два пласта: чисто художественный и атмосферно-моральный. В художественном отношении эта прозаической простотой, лаконизмом находится в эстетическом поле прозы Пушкина, хотя ей, конечно, уступает: ее словесный жемчуг не столь прозрачен. Сам же Печорин – имморалист и скорее соотносится с героями, скажем, Стендаля, чем с традиционным русским характером.

– А как бы вы определили общественное лицо Лермонтова? Он был бунтовщиком и ниспровергателем, в чем его подозревала власть? Патриотом-державником, не только воевавшим за Россию, но и во[illegible] в качестве офицера [illegible]

– К вопросу о вере. Одни считают Лермонтова едва ли не единственным поэтом в золотом веке русской поэзии, который был глубоко проникнут православием. Другие находят в его текстах богоборческие, демонические мотивы. К чему он ближе?

– Действительно, и в жизни, и в творчестве Лермонтова юношеский, а порою даже инфантильный демонизм играет большую роль. Как, позже, в музыке Скрябина что-то было в этом плане от Лермонтова. Но православные образы и смыслы проступали в его поэзии все отчетливее и объемнее, безусловно более высоким художественным качеством. Причем, если другой Пушкин порой в религиозных стихах прибегал к языковой [illegible] и даже к державинскому косноязычию, то Лермонтову это давалось свежо и непосредственно.

– Творчество Лермонтова неразрывно связано с его личностью. Некоторые вообще [illegible]

210 лет

со дня рождения Михаила Лермонтова исполняется 15 октября

– [illegible] язвительность и желчность подталкивали Лермонтова вести себя в отношении Мартынова оскорбительно. Сам бы он не стерпел и десятой доли насмешек, которые позволял себе публично в отношении Мартынова. Хотя, конечно, это не извиняет[illegible] убийства, что [illegible] Горбатов, как и думается, что за какие-то пять лет Россия потеряла двух таких гениев и оба погибли не на поле боя, а в мирной жизни и, так сказать, у всех на виду. Берег от оного [illegible] ся, государь должен был таким же образом [illegible] и общественную беду, [illegible] [illegible] трагедии. Кон[illegible] звукого литературного [illegible] у него не было даже [illegible] [illegible] не понимать, что можно [illegible] Пушкин и Лермонтов – несравненное культурное достояние Родины. Всегда считал известную эпиграмму Тютчева на смерть Николая же [illegible] справедливой. Но все-таки [illegible] не вспомнить: «Ты был не царь, а лицедей».

Другие же озвученные версии убийства я никогда всерьез не рассматривал.

М.Ю. Лермонтов

Функционирование трансформированных фразеологизмов и прецедентных феноменов в русском и чешском медиадискурсах

Татьяна Занько

MASARYK
UNIVERSITY
PRESS

BRNO 2025

KATALOGIZACE V KNIZE – NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

Zan'ko, Tat'jana
Funkcionirovanije transformirovannych frazeologizmov i precedentnych fenomenov v russkom i češskom mediadiskursach / Tat'jana Zan'ko. – Izdanije pervoje. – Brno : Masaryk University Press, 2025. – 1 online zdroj. – (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Masarykianae = Spisy Filozofické fakulty Masarykovy univerzity = Trudy Filosofskogo fakul'teta Masarikova universiteta, ISSN 2787-9291 ; 538)
Částečně český text, české a anglické resumé
Obsahuje bibliografii a bibliografické odkazy

ISBN 978-80-280-0729-4 (online ; pdf)

* 81'373.7 * 81'373.43 * 811.161.1 * 811.162.3 * 81'42 * 81'364 * 801.73 * (048.8) * 08/09:004
– frazeologie
– okazionalismy (lingvistika)
– ruština
– čeština
– jazykový projev
– generativní mluvnice
– diskurzivní analýza
– mediální diskurz * frazeologické jednotky * precedentní fenomény
– monografie
– elektronické knihy

81 - Lingvistika. Jazyky [11]

Рецензировали: к. ф. н. Татьяна Копац (Гданьский университет, Польша)
д. ф. н., проф. Константин Иванович Мизин (Университет Григория Сковороды в Переяславе, Украина)

На обложке использованы фрагменты публицистических текстов и изображений:
HOGREBE 2017: Hogrebe, U. What You Need to Know When Making Cyrillic Typefaces. In: Medium [online]. 29.05.2017. Доступно на: https://medium.com/type-thursday/what-you-need-to-know-when-making-cyrillic-typefaces-f8957a04ad94 (дата обращения: 14.03.2025).
Коммерсантъ [Электронный ресурс]. 04.01.1910, вып. 2, № 128, С. 2. Доступно на: https://yandex.ru/archive/catalog/25c1e49b-399c-4b61-b007-543b0b03657e/2 (дата обращения: 14.03.2025).
ПАВЛЮЧИК 2024: ПАВЛЮЧИК, Л. А он, мятежный… Разговор о Лермонтове и русской поэзии в канун юбилея классика. In: Труд. 11.10.2024, вып. 103, № 71–72, С. 6.

© 2025 Masarykova univerzita, Taťjana Zaňko
ISBN 978-80-280-0729-4
ISBN 978-80-280-0728-7 (print)
ISSN 1211-3034 (print)
ISSN 2787-9291 (online)
https://doi.org/10.5817/CZ.MUNI.M280-0729-2025

Содержание

1 ВВЕДЕНИЕ 7

2 ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА 11
2.1 Понятие *медиадискурс* и его функциональные особенности 11
2.2 Медиатекст и его структурно-языковая специфика 13
2.2.1 Интертекстуальность и прецедентность как свойства медиатекста 16
2.2.2 Разграничение понятий прецедентность и интертекстуальность в лингвистике 19
2.2.3 Заголовок медиатекста и прецедентность 22

3 ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 25
3.1 Лингвокультурология: краткий обзор (возникновение, основные понятия, представители, направления) 25
3.1.1 Методы исследования в лингвокультурологии 29
3.2 Место фразеологии в лингвокультурологических исследованиях . . . 32
3.3 Понятие прецедентности и прецедентные феномены 33
3.3.1 Типология прецедентных феноменов 35
3.3.2 Функции прецедентных текстов в медиадискурсе 39
3.3.3 Прецедентные феномены vs фразеологические единицы 41

4 ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ И ИДИОМАТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 45
4.1 Краткий обзор развития фразеологии как науки 45
4.1.1 Динамические процессы в современной фразеологии 50
4.1.2 Спорные вопросы фразеологии 53
4.1.3 Функционирование фразеологии в медиадискурсе: медиаязык 55
4.2 Фразеологическая вариантность vs фразеологические трансформации 59
4.2.1 Классификации фразеологических трансформаций 63
4.2.2 Отношение лингвистов к вопросу исследования трансформаций в медиадискурсе 70

5 ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В МЕДИАТЕКСТАХ 75
5.1 Структурно-семантические трансформации ФЕ и ПФ 76
5.1.1 Расширение компонентного состава 76
5.1.2 Замена компонентов 80
5.1.3 Фразеологическая контаминация 91

5.1.4 Образование окказиональной ФЕ по узуальной модели 94
5.1.5 Остальные виды трансформаций 97
5.2 Семантические трансформации ФЕ и ПФ 100
5.2.1 Буквализация значения 100
5.2.2 Двойная актуализация значения 102
5.3 Смешение различных видов трансформации 105
5.3.1 Синтаксические виды трансформации 107

6 ФУНКЦИИ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ В МЕДИАТЕКСТАХ 113

7 ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ В МЕДИАТЕКСТАХ 137

8 ЗАКЛЮЧЕНИЕ 155

RESUMÉ 159

SUMMARY 165

БИБЛИОГРАФИЯ 171

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 187

СПИСОК ТАБЛИЦ И РИСУНКОВ 189

1 ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время область фразеологии становится объектом уже не только лингвистических, но и межкультурных, лингводидактических, социокультурных, дискурсивных и др. интересов. Несмотря на то, что на современном этапе в российской лингвистике возникает достаточно большое количество научных работ, посвященных анализу функционирования фразеологических единиц в различных дискурсах, это направление не потеряет своей актуальности, т. к. язык является живой системой, постоянно развивающейся и изменяющейся под влиянием новых событий и явлений. Актуальность исследования функциональной нагруженности фразеологизмов и их трансформационного потенциала в медиадискурсе объясняется тем, что в настоящее время «законодателем языковой моды» признаются массмедиа [Солганик 2010; Валгина 2003; Юдина 2010]: интернационализмы, жаргонизмы, просторечная лексика и т. д. проникают в нашу речь из медиатекстов [Солганик 2010; Мокиенко 2016; Кронгауз 2014]. Таким образом в условиях глобализации, когда доля межличностного общения значительно сокращается, массмедиа принимают активное участие в формировании языковой личности. Специфика речевой практики массмедиа, являющейся точным отражением «языкового вкуса эпохи» [Костомаров 1999], характеризуется особыми условиями функционирования медиадискурса, основными функциями которого являются информирование и воздействие. В связи с конкуренцией в борьбе за внимание читателя авторы медиатекстов предпочитают уделять больше внимания форме представления информации, нежели содержанию, часто прибегая к средствам экспрессивизации текста. Одним из действенных средств в этом смысле являются, с одной стороны, уже готовые к употреблению устойчивые выражения (фразеологический фонд языка), которые, с другой стороны, авторы могут преобразовывать, «обновлять» в зависимости от контекста, пользуясь их неиссякаемой образностью и метафоричностью.

В данном исследовании мы обращаемся к проблематике функционирования трансформированных устойчивых единиц в актуальных медиадискурсах двух

славянских языков с целью выявить основные аспекты функционирования фразеологических трансформов в русском и чешском медиадискурсе с опорой на специфику различных типов трансформаций, а также сравнить их функционирование в медиатекстах с точки зрения трансформационного и лингвокультурологического потенциала.

Актуальность данного исследования состоит в рассмотрении и актуализации проблематики функционирования трансформированных единиц на основе медиатекстов современного дискурса с опорой на лингвокультурологические особенности русской и чешской среды. В свете тенденций к межкультурной коммуникативной направленности лингвистических исследований лингвокультурологический подход представляет собой новый взгляд на данную проблематику, особенно если речь идет о разных типах культурной среды. Несмотря на то, что исследуемые нами единицы происходят из родственных языков, необходимо отметить, что влияние различных факторов – национальной культуры (стереотипы, символы, эталоны), исторических и актуальных событий в стране и в мире, специфика их восприятия конкретным национальным сообществом и т. д. – отражается на функционировании языка как такового в любом дискурсе [Маслова 2011, 2018; Телия 1996; Красных 2002; Vaňková 2005].

Материалом исследования послужили русские и чешские медиатексты, главным образом аналитического характера, содержащие трансформированные фразеологические единицы в их широком понимании и прецедентные феномены, собранные методом сплошной выборки из среды медиадискурса за 2019–2022 гг. В качестве источников были использованы интернет-порталы и онлайн-версии печатных изданий www.kommersant.ru («Коммерсантъ»), www.aif.ru («Аргументы и факты»), www.ng.ru («Независимая газета») и чешские сайты www.idnes.cz, www.lidovky.cz (Lidové noviny, конкретно рубрика *Názory*, рус. *Мнения*), www.nazory.aktualne.cz, www.seznamzpravy.cz, www.respekt.cz (Respekt) и др. Общее количество выбранных единиц составляет 750: из них 440 единиц были извлечены из русских, а 310 из чешских текстов. Ссылки на интернет-источник приводятся в скобках после каждого примера, включая дату публикации текста.

Выбор методов исследования был определен поставленными целями и задачами, а также особенностью исследуемого материала: метод сплошной выборки, дескриптивно-аналитический метод, описательный метод (с частичным использованием приемов лингвокультурологической интерпретации), классификационно-типологический метод.[1]

1 Мы намеренно отказались использовать в нашем исследовании квантитативный метод для подсчета частотности определенных типов трансформаций или функций трансформов в медиатекстах, т. к. это не является возможным из-за частого смешения различных видов трансформаций и частой комбинации функций в одном трансформе, используемом для конкретного контекста. Целью исследования является обозначить прагматический характер и значимость актуализированных единиц с позиции автора, как создателя медиатекста, и читателя, как адресата. Поэтому подсчет трансформированных единиц не относится к прямым целям нашего исследования.

Научная новизна исследования состоит в том, что в данном исследовании впервые было рассмотрено функционирование трансформированных фразеологических единиц и прецедентных феноменов в актуальном медиадискурсе двух славянских языков с использованием элементов лингвокультурологической интерпретации. Теоретическая значимость работы заключается в определении и описании аспектов функционирования различных видов трансформаций устойчивых единиц как неиссякаемого источника экспрессии и образности в условиях интернационализации, жаргонизации и неологизации русской и чешской фразеологии, а также т. наз. «карнавализации» («орнаментализации») журналистской речи и повышения роли языковой игры в современных медиатекстах. Исследование создает предпосылки для дальнейшего изучения и определения лингвокультурных особенностей развития современного медиаязыка разных культур в рамках межкультурной коммуникации.

Монография может быть полезна не только при преподавании различных курсов по лингвокультурологии, медиалингвистике, межкультурной коммуникации в вузах, но и в создании учебных материалов для преподавания русского языка как иностранного, а также в возможности применения результатов исследования в других разработках межкультурного направления и исследованиях языкового материала в компаративном аспекте.

Автор выражает большую благодарность доценту Й. Газде, без помощи и поддержки которого данная работа бы не была опубликована. Сердечную благодарность хотелось бы выразить коллегам кафедры славистики Университета им. Масарика за поддержку и внимание, оказанное научной работе автора.

2 ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА

2.1 Понятие *медиадискурс* и его функциональные особенности

Многозначный термин *дискурс* является одним из очень популярных терминов не только в современной лингвистике, но и в других гуманитарных науках. Сложность в определении данного понятия связана с существованием различных классификаций и методологических подходов исследователей к толкованию его сущности. Т. А. Ширяева в своей статье *Современное состояние и особенности осмысления понятия «дискурс» в гуманитарной парадигме* предлагает семь теоретических подходов к изучению дискурса на современном этапе: *лингвистический подход*, при котором «дискурс является уточнением или развитием традиционных понятий речи, текста, диалога» (А. Е. Кибрик, З. Харрис, Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов и др.); *семиотический подход*, который связан с изучением семиотически-нарративных структур (А.-Ж. Греймас, Ж. Курте, П. Анри, Ф. Гваттари и др.); *диалогический (полифонический) подход*, при котором утверждается, что «диалог всегда вписан в социокультурный контекст, и, являясь механизмом текстопорождения, прототипической ситуацией общения, превращает текст в дискурс» (Ю. Кристева, М. М. Бахтин и др.); *социальный подход*, который понимает «дискурс как социальную практику» и «язык, связанный с социальными отношениями, идентичностями, властью, неравенством и социальной борьбой» (М. Фуко, М. Фэрклау, П. Рикер, Ж. Деррида, П. Вейн и др.); *«идеальный» подход*, в рамках которого дискурс «осуществляется в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т. п. и имеет своей целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации» (Ю. Хабермас); *деятельностно-коммуникативный подход*, который ориентируется на понимание дискурса как коммуникативной стратегии языка, обладающей креативной, референтной и рецептивной функциями (А. Ф. Алефиренко, Г. Н. Манаенко, В. З. Демьянков и др.); *когнитивный подход*, который предлагает «понимание дискурса как способа организации языковой и внеязыковой информации в форме

текста для обмена и передачи информации средствами естественного языка на основе концептуальных представлений пользователя языка» (М. Л. Макаров, Е. С. Кубрякова, Т. В. Милевская) [Ширяева 2010: 129–138].

Разнообразие определений дискурса очень обширно. В. В. Красных определяет дискурс как вербализованную речемыслительную деятельность, в основе которой лежат как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Дискурс — это «совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации» [Красных 2003: 113]. Дискурс — это также «речь, погруженная в жизнь» (Н. Д. Арутюнова); «язык в языке, но представленный в виде особой социальной данности» (Ю. С. Степанов); «текст, погруженный в ситуацию общения» (В. И. Карасик); в более широком смысле это «все процессы и продукты речевой деятельности в сфере массовой коммуникации, взятые во всей полноте и сложности» (Т. Г. Добросклонская).[2]

Принимая во внимание значительное количество исследований дискурса как зарубежными авторами (Н. Фэрклау, Р. Водак, Д. Шифрин, Т. ван Дейк, М. Стаббс и др.), так русскими (Д. Н. Шмелев, В. Г. Костомаров, Ю. В. Рождественский, Г. Я. Солганик, Б. В. Кривенко, Е. С. Кубрякова, И. В. Карасик, В. Е. Чернявская, А. Д. Самойлова, Н. И. Формановская и др.) и чешскими (Я. Гоффманнова, Э. Легечкова, Й. Краус и др.), в нашей работе мы воспользуемся трактовкой термина *дискурс* Н. Д. Арутюновой, которая предлагает понимать под дискурсом «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [ЛЭС 1990: 136–137].

Выделяют различные типы дискурсов. Лингвисты исследуют дискурс в двух направлениях: с одной стороны — национальный дискурс (английский, немецкий, русский, чешский и др.), с другой стороны — дискурс в рамках конкретного национального дискурса (например, политический, педагогический, религиозный, научный, юридический, критический, медиадискурс и др.). Хотя высказывания в дискурсах второго направления могут относиться к общей теме, отличия между ними определяются преобразованиями тех или иных параметров дискурса — например, различным функционированием языковых средств, различной реализацией коммуникативных ситуаций и т. д.

Наиболее динамично развивающимся видом дискурса в настоящее время считается *медиадискурс*, потому как именно «он представляет собой совокупность различных средств коммуникации и способов передачи информации, образующих медиасреду, которая, вследствие отсутствия информационных границ, обладает

2 Подробнее о термине *дискурс* и подходах к его определению и исследованию см. в работах [Кубрякова 2000], [Макаров 2003], [Hoffmannová 2003], [Bočák 2008], [Orgoňová, Bohunická 2013] и др.

способностью меняться, развиваясь вместе с общественными явлениями и подстраиваясь под них» [Джабраилова, Фомичева 2019: 57]. Не случайно медиадискурс в основном представлен в сети Интернет, в которой на данный момент возможна реализация различных форм коммуникации, и нелегко предположить, какое влияние в результате окажут эти формы коммуникации на более традиционные средства коммуникации — газеты, радио, телевидение. По сравнению с традиционными СМИ языковые и культурные коммуникативные нормы в электронной коммуникации очень изменились, поэтому тексты медийного дискурса влияют на текущее состояние и дальнейшее развитие языка как знаковой системы, так и речи, речевого поведения, общения. Интернет и цифровая коммуникация, несомненно, меняют наш язык, главным образом в области речевого поведения и его новых форм, но также оказывают существенное влияние на отдельные уровни языковой системы.

К основным *функциям* медийного дискурса относят:

- информативную (сообщение о событиях);
- описательную (объяснение происходящего в мире);
- регулирующую (координация аудитории, направление внимания в ту или иную сторону);
- воздействующую (влияние на мнение о событиях);
- оценочную (формирование оценки и эмоционального отклика);
- прогнозирующую (прогнозы о будущем положении дел) [Добросклонская 2015].

Медиадискурс характеризуется сокращением коммуникативной дистанции между журналистом и аудиторией, в результате чего передаваемая информация становится менее достоверной, но более личностно окрашенной. А. А. Календр выделяет следующие основные коммуникативные стратегии, которые используются в новостном медийном дискурсе — *селективную* (отбор информации), *композиционную* (структурирование информации), *презентационную* (фокусировка информации) [Календр 2016: 328].

Таким образом, медиадискурс на современном этапе является динамично развивающейся структурой, представленной в виде *внутренней* связи — между разнообразными текстами конкретного дискурса, которая предопределена публицистическим типом творчества, и *внешней* связи, которая обусловлена потребностями отражения современной жизни с целью воздействия на общественное мнение.

2.2 Медиатекст и его структурно-языковая специфика

С целью изучения динамики развития медийного языка на основе языковых средств, извлеченных из конкретного языкового материала, и понимания статуса

исследуемого материала мы также считаем необходимым рассмотреть понятие *медиатекст*. Под медиатекстом, как правило, понимают «динамическую сложную единицу высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [Кузьмина 2011: 13].

Практически все исследователи подчеркивают многоуровневый, динамичный характер медиатекста. М. Ю. Казак считает, что медиатекст — «многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (*медийные*, *вербальные*, *невербальные*) и демонстрирующий свою открытость на знаковом, композиционно-структурном и содержательно-смысловом уровнях» [Казак 2012: 322]; исследователь к категории медиатекстов относит газетно-публицистические тексты, рекламные тексты, телетексты, Интернет-тексты, PR-текст и т. д.; главными признаками медиатекстов лингвист считает *медийность*, *массовость*, *интегративность*, или *поликодовость*, и *открытость* текста. [Казак 2012: 320].

Характеризуя понятие *медиатекст*, Н. А. Кузьмина определяет специфику медиатекста прежде всего внешними условиями его существования, к которым она относит:

- особый тип и характер информации, которая транслируется СМИ;
- производство «на поток», одноразовость, невоспроизводимость;
- коллективное производство медиапродукта — всякий текст создается и обрабатывается несколькими лицами (журналистом, редактором, оператором, режиссером, монтажером и т. д.);
- опосредованность общения и особый характер обратной связи (ограниченный, минимизированный или вовсе отсутствующий, отложенный во времени и пространстве);
- значимость технических средств, посредством которых транслируется сообщение (технические возможности не просто «упаковка» контента — они преобразуют и структурируют само сообщение, поэтому, например, одна и та же новость формирует денотативный план разных новостных печатных, радио-, теле- и Интернет-текстов;
- экономический параметр, определяющий идеологию издания и влияющий на его содержательное и техническое воплощение [Кузьмина 2011: 11–13].

Т. Г. Добросклонская рассматривает медиатекст как «сложное, многоуровневое и многомерное явление» и предлагает следующую систему параметров: способ производства, форма создания, форма воспроизведения, тематическая доминанта, канал распространения, функционально-жанровый тип текста [Добросклонская 2008: 31].

М. А. Деминова в свою очередь подчеркивает, что «современный медиатекст приобретает черты сложного продукта/средства коммуникации, в котором совмещаются сознания говорящего (адресант) и слушающего (адресат)» [Деминова

2011: 330], что он «функционирует в речи в виде медиадискурса, который характеризуется категориями актуального членения, пресуппозиции, субъективной модальности, конситуации и коммуникативного акта» [Деминова 2011: 326], и выделяет такие его признаки, как *диалогичность*, *конвергентность*, *многожанровость*, *многоаспектность*, *мультимодальность*.

Рассматривая специфику медиатекста в Интернете, Кузьмина связывает ее с такими свойствами Интернет-коммуникации, как *интерактивность*, *нелинейность* и использование новых нарративных стратегий, *дигитальность*, или использование цифровых форматов, *модульность*, *ускорение* времени и *сжатие* пространства при акцентировании возможностей мгновенной коммуникации и уменьшения барьеров физической дистанции, *конвергенция*, приводящая к созданию гибридных форм текста и интеграции различных технологий [Кузьмина 2011: 8].

Исследователи утверждают, что главными субъектами медиакоммуникации являются автор и адресат, этим и обусловлена специфика современного медиатекста. Необходимо различать, во-первых, реального автора и рассматривать его как с позиции создателя медиатекста, так и с позиции субъекта всего текстового пространства, а во-вторых, реального адресата как получателя медиатекста; образ автора/адресата формируется с помощью языковых средств в самом тексте. Присутствие автора делает возможным предоставление различных видов информации: подтекстовой, фактологической, концептуальной.[3] Выстраивание отношений «автор — адресат» происходит за счет создания сложных прагматических связей с целевой аудиторией [Джабраилова, Фомичева 2019: 60].

Вслед за Джабраиловой и Фомичевой мы считаем, что медиатекст создается не только с помощью медиаязыка (*вербального и невербального*), в его создании также участвуют творчество автора, его языковые вкусы, какие-то индивидуальные пристрастия, важным моментом являются также возможности канала распространения.

В настоящее время язык медиатекстов является довольно популярной областью научных исследований, см. [Добросклонская 2008; Дускаева 2012; Казак 2012; Клушина 2012; Костомаров 1999; Полонский 2009; Солганик 2000 и др.].

Медийный язык как особую форму, разновидность языка А. В. Полонский называет «медиалектом» и определяет его как претендующий на статус выходящего за рамки языка СМИ. Автор считает его особой формой национального языка, которая «в условиях медийной коммуникации (межличностной, коллективной и массовой) обеспечивает полиформатное, многоцелевое, социально и личностно обусловленное информационное взаимодействие социальных субъектов», что «это не просто доминирующая сегодня форма языка, а это тот язык, без которого не обходится речевая практика современного человека». Особенностью медиалекта

3 Более подробно о роли и функции автора в пространстве медиатекста см. исследования [Т. В. Шмелева, Н. А. Кузьмина, Г. Я. Солганик, С. С. Распопова].

автор считает его открытость любым речевым средствам — общеупотребительным и стилистически маркированным, литературным и внелитературным, вплоть до табуированных форм, т. е. всем средствам языка, которые способны создавать дополнительный ресурсообразующий эффект [Полонский 2018: 236–237].

Как уже было замечено, медийный язык — это постоянно изменяющаяся, живая система, которая требует от журналиста непрекращающегося творческого подхода, поэтому в современных медиатекстах часто используются единицы речи и текстовые фрагменты из произведений «золотого фонда» национальной классики, современные фильмы, песни, названия, цитаты, крылатые выражения, фразеологизмы в широком их понимании, включая не только их канонические варианты, но и трансформированные.

Изучение медиатекста происходит на функциональном и прагматическом уровнях; причем, в первом случае медиатекст рассматривается как продукт речевой деятельности и стиля, а во втором случае изучаются коммуникативное намерение, коммуникативная установка и адресность медиатекста, а также его воздействие на реципиента. Таким образом, стилистические и коммуникативные нормы определяют выбор средств и их организацию в медиатексте. Связь языковых норм с текстом обязательно должна опираться на функционально-стилистическую классификацию текстов и на их жанровые различия [Джабраилова, Фомичева 2019: 60].

Говоря о медиатексте, нельзя не упомянуть его два важнейших свойства — *интертекстуальность* и *прецедентность*.

2.2.1 Интертекстуальность и прецедентность как свойства медиатекста

Теория прецедентности является логическим продолжением, развитием теории интертекстуальности, которая в мировой лингвистике и литературоведении тщательно исследуется уже на протяжении 50 лет. Теория прецедентности и теория интертекстуальности сосуществуют, и это можно объяснить тем, что прецедентные феномены — это составляющая интертекста, выступающего в качестве основной единицы анализа и представляющая собой включения, которые связаны с ранее созданными текстами. По мнению Н. А. Кузьминой, прецедентные феномены — это явления жизни, которые могут стать или не стать фактами культуры, а интертекстуальность — это код культуры как системы традиционных для человека материальных и духовных ценностей [Кузьмина 1999].

Яркими представителями теории интертекстуальности считаются М. Бахтин и Ю. Кристева, которая воспринимает текст с точки зрения двух осей: горизонтальной, соединяющей автора и читателя текста, и вертикальной, соединяющей текст с другими текстами. Кристева утверждает, что каждый текст с самого начала является компетенцией других дискурсов, создающих замкнутую систему,

и что вместо того, чтобы сосредотачиваться на структуре текста, необходимо скорее исследовать его структурирование (способ формирования структуры), его отношение к предыдущим текстам, реструктуризацией которых он и является. Исследователь также значительно расширила определение текста, отвергнув различие между литературным и нелитературным текстом и обозначив в качестве основы для интертекстуальности не только текст, реализованный в языке, но и другие системы, действующие на основе символов (например, «общество», «культура», «история») [Кристева 2004]. Ю. Кристева отменила границы текста, который, по ее словам, возникает в процессе написания самого себя, является ответом на другие произведения и другие тексты. Таким образом, она опровергает возможность того, что тексты будут создавать законченный смысл, она понимает текст как трансформацию: текст конструирует себя в процессе интертекста, который поглощает и обрабатывает смысловые образцы других текстов (каждый текст подразумевает другие тексты и всегда дублируется) и требует акта чтения, который никогда не может прийти к единому согласию с ним. Таким образом, интертекстуальность — это не только определение отношения между произведением и предыдущими текстами, но, скорее, ссылка на участие текста в определенном пространстве высказывания [Dulebová 2015: 16].

Свойство интертекстуальности медиатекста исследователи изучают, базируя на нем различные классификации и понятия (Ю. Кристева, Р. Барт, А. К. Жолковский, Е. А. Земская, Н. А. Кузьмина, Н. Пьеге-Гро, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская, Й. Гомолач, Я. Гоффманнова, С. Шнайдерова, С. Чмейркова, Р. Голанова[4] и др.). Сам термин *интертекстуальность* был введен во второй половине XX в. Ю. Кристевой, которая понимала под ним «социальное целое, рассмотренное как текстуальное целое» [Кристева 2004: 168]. Следы интертекстуальности обнаруживаются везде, где появляется «чужое» слово как на уровне содержания, так и на уровне формы, структуры или композиции.

Первоначально термин использовался как литературоведческая категория, но постепенно стал объектом внимания лингвистов. Несмотря на увеличивающийся интерес к данному явлению и его исследованию, не существует однозначного определения понятия *интертекст* и единого подхода к его толкованию ни в одной из гуманитарных наук. Лингвистика определяет интертекст как отсылку «к отдельным событиям и культурным фактам, а также цитаты любых сообщений на естественном языке» [Литвиненко 2008: 88], либо интертекст выступает как «объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности Человека, способная бесконечно саморегенерировать по стреле времени» [Кузьмина 1999: 20], либо интертекст представлен с помощью метафор, которые часто размывают это и без того широкое понятие — «интертекст —

4 Подробнее об исследованиях чешских лингвистов в области интертекстуальности и интертекста см. статью [Janovec 2012] *Nové způsoby projevu intertextuality* ([Homoláč 1996], [Čmejrková 2000, Holanová 2012], [Hoffmannová 2006], [Schneiderová 1999] и др.).

среда обитания культурных концептов», «интертекст — это то, что можно читать в прямом смысле этого слова» [Степанов 2017]. В нашей работе мы остановимся на утверждении Р. Барта, согласно которому «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Барт 1989: 418].

Ученые часто отмечают, что «интертекстуальность — понятие, сложное для использования ввиду чрезвычайной *неопределенности* и *расплывчивости* его содержания» [Culler 2002: 109], что может быть связано также с тем, что категория интертекста представлена рядом подтипов и что приемы использования чужой речи (фигуры интертекста) до сегодняшнего дня не получили исчерпывающих дефиниций, например, использование выражения «цитирование без ссылки» можно понять как аппликацию, аллюзию, перефразирование и т. д. [Москвин 2011: 5].

Рассматривая интертекстуальность медиатекста на содержательно-смысловом и композиционно-стилистическом уровнях, А. Н. Кузьмина характеризует ее обязательным присутствием в медиатексте «двух видов цитации: ссылок на мнения экспертов (политиков, общественных деятелей, других СМИ) и собственно интертекстуальных знаков, обладающих лингвокультурологической ценностью» [Кузьмина 2011: 30], а также выделяет такие функции интертекстуальности, как:

- функцию наиболее четкой передачи фрагмента сообщения,
- функцию ссылки на авторитет,
- функцию пиар-продвижения,
- функцию аргументации/контраргументации,
- функцию подмены ответственности,
- метасобытийную функцию,
- эстетическую функцию,
- функцию оценки,
- функцию манипуляции,
- функцию пароля (которая характерна прежде всего для лингвокультурных единиц, «фоновых» цитат),
- развлекательную функцию.

Автор придерживается мнения, что разделение условно и не является исчерпывающим, т. к. на самом деле один знак может выполнять несколько функций и в научной литературе существуют также другие классификации функций цитатных знаков [Кузьмина 2011: 30–35].

2.2.2 Разграничение понятий прецедентность и интертекстуальность в лингвистике

Некоторые исследователи ([Казак 2012], [Кузьмина 2011], [Кудрина 2005] и др.) утверждают, что в последнее время довольно часто происходит смешение или даже взаимозамена/отождествление теории прецедентности[5] и теории интертекстуальности в лингвистике, и это приводит к неоправданному приравниванию терминов.

Н. А. Кузьмина предлагает разграничивать данные понятия, соотнося интертекстуальность «с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью (интертекстуальные знаки — феномены культуры, предполагающей межпоколенную связь), прецедентность — с тем, что происходит сейчас и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра» [Кузьмина 2011а]. Исследователь считает, что интертекстуальные знаки «существуют в течение жизни нескольких поколений людей в виде некоего культурного кода, существование прецедентных феноменов ограничено временем их рецепции и реинтерпретации» [Кузьмина 2011а]. Прецедентные феномены нуждаются в своего рода «технической» поддержке в первую очередь средствами массовой коммуникации, которая бы обеспечила «тотальную их рецепцию максимально широким кругом потребителей. Таким образом, интертекстуальность — это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, прецедентность — явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры» [Кузьмина 2011а].

Исследователь Н. А. Кудрина объясняет, что «обращение к прецедентным текстам, неизбежное в процессе создания новых текстов, приводит к интертекстуальности последних, но это, конечно же, не означает справедливости обратного утверждения, то есть того, что интертекстуальность всегда создается только за счет „переклички“ с прецедентными текстами» [Кудрина 2005: 5]. Но несмотря на это, в работах исследователей встречается не только сближение данных терминов, но и их отождествление.

Теория интертекстуальности, как известно, возникла в рамках анализа художественного текста, но сегодня она плодотворно применяется и для других видов

5 Феномен прецедентности будет более подробно рассмотрен нами в следующем разделе в связи со спецификой исследуемого языкового материала: вопрос включения фразеологизмов в широком их понимании в область прецедентных феноменов на данный момент не является полностью решенным.